

Осколки тысяч бумажных фонарей полыхали в вышине, озаряя багровыми сполохами ночное небо Царства призраков.

— Я...

Гун Чэнь с трудом сглотнул. Он потрясенно смотрел на лежащего в его руках Сюй Цыаня, а затем, словно очнувшись от наваждения, вздрогнул. Ресницы его мелко затрепетали.

Вокруг завывал ветер, но этот яростный гул не мог заглушить тихий, отчетливый звук его собственного глотка — звук, заставивший Гун Чэня вспыхнуть от стыда.

«И кто я теперь такой?..» — Гун Чэнь почувствовал, как к горлу подступает горький ком.

При жизни он был лишь цепным псом клана Дуань. Захотели — оклеветали, захотели — выбросили прочь, словно ненужный хлам. После смерти над его гробом некому было оплакать его душу, некому сжечь поминальную бумагу. Если бы не Сюй Цыань, враги давно осквернили бы его тело, не оставив и костей. Слишком много несмытых обид, слишком много неоплаченных долгов. Сам он с ног до головы покрыт грязью и пылью — так по какому праву он смеет касаться человека столь непорочного?

Гун Чэнь приложил нечеловеческое усердие, чтобы хоть немного отстраниться.

После недолгого молчания Сюй Цыань медленно прикрыл глаза. Свои пылающие щеки он уткнул в прохладную шею Гун Чэня и задышал глубоко, прерывисто.

— Я... вытерплю.

С каждым выдохом горячий воздух обжигал холодную кожу Гун Чэня.

— Моих сил еще хватит, чтобы призвать меч, но двоих он не выдержит. Давай так: ты встанешь на лезвие, а я...

Гун Чэнь резко повернул голову назад. Его взгляд потемнел, став глубоким и мрачным, как бездонное ущелье глухой ночью.

Слушать этот бред больше не было сил. И терпеть тоже.

Этого упрямого гордеца Сюй Цыаня следовало заткнуть раз и навсегда. Заставить его проглотить эти глупости обратно, пережевать и переварить, чтобы ни единого слова больше не

слетало с этих губ. Вечно он говорит то, что выводит из себя.

Подобно хищнику, нацелившемуся в горло добычи, Гун Чэнь перехватил Сюй Цыаня за подбородок. В его глазах сверкнул опасный огонь, и он прильнул к его губам.

Под бледным диском луны внезапный порыв ветра взметнул полог алого шелка. Красная ткань окутала их лица, скрывая от мира. Две тени слились в безумном, отчаянном поцелуе, плавно опускаясь наземь вместе с кружащимся шелком.

Когда ткань наконец опустилась на землю, они неохотно отстранились друг от друга. Их тяжелое дыхание смешивалось в ночной прохладе, а лбы соприкасались.

— Техника управления ветром? — едва слышно прошептал Сюй Цыань.

Гун Чэнь сипло выдохнул:

— М-м... Тебе... стало хоть немного легче?

Сюй Цыань недолго помолчал, а затем тихо отозвался:

— Только хуже.

— Прости, — тут же отозвался Гун Чэнь.

Сюй Цыань глубоко вздохнул, слегка оттолкнул его и вытер губы тыльной стороной ладони.

— Гун Чэнь, когда все закончится, нужно будет найти способ вылечить твое горло. Слушать этот хрип невыносимо.

Гун Чэнь слегка нахмурился, но упрямо прильнул обратно к его плечу.

— Значит, вылечим потом. А пока придется довольствоваться тем, что есть.

— И что еще ты собираешься сказать?

— Шисюн, раз уж тебе нездоровится, давай я понесу тебя на спине.

— Не нужно, — не задумываясь, отрезал Сюй Цыань.

— Не хочешь на спине — тогда понесу на руках, — недовольно буркнул Гун Чэнь.

— Я имел в виду, что бежать нам не придется, — холодно отозвался Сюй Цыань, заметив его недовольство. — У нас есть подмога.

— А? — Гун Чэнь удивился. — И где же она?

— Вверху.

Гун Чэнь поднял голову.

На первый взгляд в бездонной ночной синеве не было ничего, кроме нескольких карманных призраков, забавлявшихся с клочком красного шелка. Но когда он присмотрелся внимательнее, его глаза округлились.

Эти мелкие твари разыгрывали настоящее представление. Двое или трое натянули алую ткань, словно театральный занавес, а еще парочка залезла внутрь. Сквозь полупрозрачный шелк были отчетливо видны тени двух круглых голов, которые сперва терлись друг о друга, а затем выпустили длинные, похожие на водоросли щупальца. Эти отростки мягко переплелись, сжимаясь и сливаясь в неистовом, неприличном экстазе. Было совершенно неясно, какую именно похабщину они пытались изобразить.

Гун Чэнь потерял дар речи.

— На что ты там уставился? — Сюй Цыань не понял его замешательства и уже собирался задрать голову, как вдруг ладонь Гун Чэня крепко накрыла его глаза и лоб.

— Не смотри. Там ничего нет.

— Если там ничего нет, зачем глаза зажимаешь?

— Просто не смотри, и все.

— Я хочу видеть! С какой стати мне нельзя? — Сюй Цыань раздраженно дернулся, пытаясь убрать его руку со своего лица.

— Шисюн, ну почему ты такой упрямый... — Гун Чэнь, точно пес, которому наступили на хвост, в панике повалил Сюй Цыаня прямо на траву.

Алый цветок феникса, заправленный за ухо Сюй Цыаня, слетел на землю. Затылок его мягко приземлился на предплечье Гун Чэня, так что боли он не почувствовал, но не на шутку

рассердился. Резким взмахом руки он отбросил Гун Чэня в сторону и уставился в небо.

— Ах ты паршивец! Решил встать у меня на пути?! Да я из принципа посмотрю, что там такого...

Прошло несколько долгих секунд.

Сюй Цыань медленно, со страдальческим выражением лица опустил голову. Весь его силуэт так и сквозил каменным оцепенением.

— Шисюн, — Гун Чэнь снова пододвинулся ближе, виновато пробормотав: — Я же говорил, что не надо туда смотреть. А ты не послушал.

Сюй Цыань одарил его испепеляющим взглядом снизу вверх.

— Сгинь.

— Ну, раз уж оба посмотрели, почему бы не обсудить? — не унимался Гун Чэнь. — Шисюн... когда мы с тобой... делали это, что ты чувствовал?

Не дождавшись ответа, он добавил:

— Если промолчишь, я решу, что тебе понравилось и ты просто смущаешься.

Грудь Сюй Цыаня тяжело вздымалась от едва сдерживаемого гнева.

— Почему бы тебе самому не рассказать о своих ощущениях?

Гун Чэнь ответил без тени сомнения:

— Словно вознесся на небеса к бессмертным.

Сюй Цыань повторил прежнее:

— Проваливай.

Вот только кончики его ушей предательски порозовели.

В этот миг Гун Чэнь ощутил, как вся неловкость и стыд бесследно испарились, переключившись к

Сюй Цыаню, а его собственное сердце затопило странное, ширящееся тепло.

В конце концов, действие приворотного зелья испытывал на себе не один лишь Сюй Цыань.

— А если я останусь? — тихо спросил он.

Лицо Сюй Цыаня полыхнуло раздражением:

— Гун Цзиньюй...

— Я здесь.

На мгновение оба застыли, пораженные этим простым словом.

Семь лет назад. Гора Тяньлин.

Юные Гун Чэнь и Сюй Цыань, сцепившись, покатались по сочной траве. После нескольких кувырков Гун Чэнь изловчился и подмял противника под себя.

«Гун Цзиньюй...» — прошипел тогда разъяренный Сюй Цыань.

«Я здесь».

Тогда Гун Чэнь точно так же уперся ладонями в землю по обе стороны от головы Сюй Цыаня. В его глазах не было ни страха, ни сомнений — лишь горячее, обжигающее пламя. Наклоняясь все ниже, он ловил дыхание шисюна, а его голос становился все тише, пока не опустился до едва различимого шепота:

«Шисюн, всего один поцелуй».

Тот единственный раз в иллюзорном мире воздвиг между ними стену молчания и отчуждения длиною в долгие семь лет.

Гун Чэнь судорожно сжал левую руку, впиваясь пальцами в жесткие стебли травы. Колкая, едва заметная боль помогла ему вынырнуть из глубин памяти. Он поднял структуру правой руки и мягко провел ладонью по щеке Сюй Цыаня, лаская кожу неровным, уродливым шрамом от красной нити на своей ладони.

Этот человек по-прежнему оставался невероятно красивым. Свежий и чистый, точно засыпанная снегом сосна, неприступный и гордый. Только осунулся сильно с тех пор, и от этой хрупкости сердце сжималось еще сильнее.

Гун Чэнь невольно задумался.

«Если бы все можно было вернуть назад... Ждало бы нас очередное семилетие взаимной вражды или все сложилось бы иначе? Было бы все по-другому?»

Его рука скользнула ниже, бережно придерживая подбородок шисюна. Большой палец замер у самого уголка губ.

Шисюн?

Сюй Цыань больше не прогонял его.

И тогда Гун Чэнь медленно, затаив дыхание, склонился к его лицу.

Но стоило их губам почти соприкоснуться, как прямо над ухом раздался до боли знакомый, ледяной женский голос:

— Коли только сейчас собрались, то лучше и не начинайте вовсе. Что за канитель? Сколько мне еще прикажете ждать?

Эти слова обрушились на Гун Чэня ушатом ледяной воды, мгновенно превратив его в безжизненное изваяние.

«Как она здесь оказалась?!»

Он испуганно перевел взгляд на упавший неподалеку цветок феникса — тот самый, который днем обронила за ухом жениха так называемая «тысячелетняя цветочная дева».

Выходит, она все это время была там?! И видела, как он проделывал с Сюй Цыанем все эти... вещи?!

В один миг у Гун Чэня онемела макушка, губы затряслись, а в коленях появилась предательская слабость.

— Оглох? Не слышишь, что тебе говорят? — невидимая собеседница презрительно хмыкнула. — Гун Чэнь, прошло всего несколько лет, а я, Ли Наньюань, для тебя уже никто? Какое-то пустое место?

— Или ты позабыл все правила приличия?

Последние слова прозвучали с угрожающей, звенящей интонацией.

Покрывшись крупным холодным потом, Гун Чэнь буквально скатился с Сюй Цыаня и послушно рухнул на колени прямо в траву.

Ли Наньюань.

Если бы Гун Чэню приказали немедленно убираться прочь, даже тысяча грозных окриков не возымели бы такого действия, как это имя.

Мать его шисюна — Ли Наньюань.

Будь она просто матерью Сюй Цыаня, Гун Чэнь чувствовал бы лишь неловкость, но никак не этот сковывающий внутренности ужас. Однако Ли Наньюань являлась главой шестнадцати старейшин Небес Пурпурной Кости — великой старейшиной Цюньюэ.

В поднебесном мире насчитывалось всего десять великих мастеров, достигших стадии Небесного человека: четверо правили в Царстве призраков, а шестеро жили среди смертных. И Ли Наньюань была одной из этих шести столпов человечества.

Она всегда терпеть не могла любые рамки и обязательства. В свое время главе ордена пришлось долго и слезно умолять ее, чтобы она согласилась хотя бы на почетный титул старейшины. Сама Ли Наньюань заявляла, что ей лень возиться с учениками, и глава с радостью пошел ей навстречу.

Но кто же знал, что позже она сделает исключение и возьмет под свое крыло двоих преемников? Естественно, к личным ученикам самой могущественной женщины ордена было приковано внимание всей Поднебесной.

Старшим учеником стал ее собственный сын, Сюй Цыань. Своя кровь, отчего бы не обучить? Тем более что юноша обладал редким дарованием, ничуть не уступавшим таланту матери в те же годы. О них двоих всегда говорили с благоговением и восторгом.

Но тогда возникал резонный вопрос: «С сыном все ясно. Но откуда взялся второй ученик? Какими скрытыми талантами он наделен, раз сумел удостоиться благосклонности самой старейшины Цюньюэ?»

Если бы второй преемник оказался таким же гением, разговоры быстро утихли бы. Ну выдающийся заклинатель, ну повезло, что тут обсуждать?

Однако загвоздка заключалась в том, что второй ученик был на редкость зауряден.

Его врожденный талант? Весьма посредственный.

Происхождение? С натяжкой подходило под приличные рамки.

Выдающиеся качества? Разве что смазливое лицо, но на одном лице далеко не уедешь.

Неудивительно, что из-за колоссальной разницы между ними второй преемник круглые сутки жил под гнетом невыносимого страха. Он панически боялся, что его в любой момент с позором вышвырнут из ордена на посмешище всей Поднебесной.

Но настоящий ужас сковал его в тот день, когда он узнал, что его строгая наставница и есть родная мать Сюй Цыаня.

Ему ведь никто об этом не сказал! Если бы он знал заранее, то сто раз подумал бы, прежде чем красть тот поцелуй у шисюна в мире иллюзий. Ведь за такое наставница могла забить его до полусмерти прямо на месте.

Гун Чэнь до сих пор в подробностях помнил ту затрещину — вернее, пинок, который Ли Наньюань отвесила ему, прознав о случившемся.

Холодный взгляд ее глаз, невероятно похожих на глаза Сюй Цыаня, заставил его кровь застыть в жилах. А затем последовал сокрушительный удар. С грохотом, подобным раскату грома, вспыхнуло пурпурное сияние. Тело юноши отлетело на добрые триста чи, сокрушив по пути три огромных валуна, и с силой впечаталось в отвесную скалу Вепря, оставив в твердой породе глубокую вмятину в форме человеческой фигуры.

Осколки камней дождем посыпались вниз, на площадку для тренировок, где застыли сотни учеников. Ни один из них не посмел даже пикнуть.

После того «урока» Гун Чэнь целый месяц не мог подняться с постели.

И это было наказание за один-единственный поцелуй!

А сейчас...

Вспомнив, чем он только что занимался на траве с Сюй Цыанем, Гун Чэнь почувствовал, как перед глазами все темнеет.

— С князем Яоцзэ я покончила, — вновь донесся спокойный голос Ли Наньюань из лепестков цветка феникса. — Живо оба в Третий дворец.

Тон ее был обыденным, но для Гун Чэня эти слова прозвучали как приглашение на аудиенцию к самому владыке преисподней Янь-ло.

Он попытался подняться на затекших ногах, как вдруг спина его потяжелела — Сюй Цыань без лишних слов навалился на него сзади. Колени Гун Чэня подогнулись, и он снова плюхнулся в траву.

— Неси меня на спине, — капризно прошептал Сюй Цыань, утыкаясь горячим лбом в его шею.
— Мне лень шевелиться.

«О пресветлые предки...» — Гун Чэнь в отчаянии схватился за голову.

«Да, я только что предлагал донести тебя! Но сейчас, если я прикоснусь к тебе хоть пальцем, твоя матушка дерет с меня три шкуры! Ты вообще понимаешь, насколько она страшна в гневе?!»

Гун Чэнь, стараясь не выказывать лишней нежности, осторожно похлопал Сюй Цыаня по колену, безмолвно прося слезть.

Никакой реакции.

Он похлопал еще раз, настойчивее.

«Ну же, слезай скорее».

В ответ Сюй Цыань не просто не сдвинулся с места, но и упрямо сжал колени, еще крепче обхватив его бедра. Гун Чэнь оцепенел.

— Мы уже сыграли свадьбу, чего ты так трусишь? — Сюй Цыань обвил руками его шею, расслабленно свесив ладони на его грудь, и с легкой усмешкой шепнул на ухо: — И еще...

— Моя дорогая женушка, твой кадык слишком сильно упирается мне в затылок.

<http://bllate.org/book/20729/2131356>